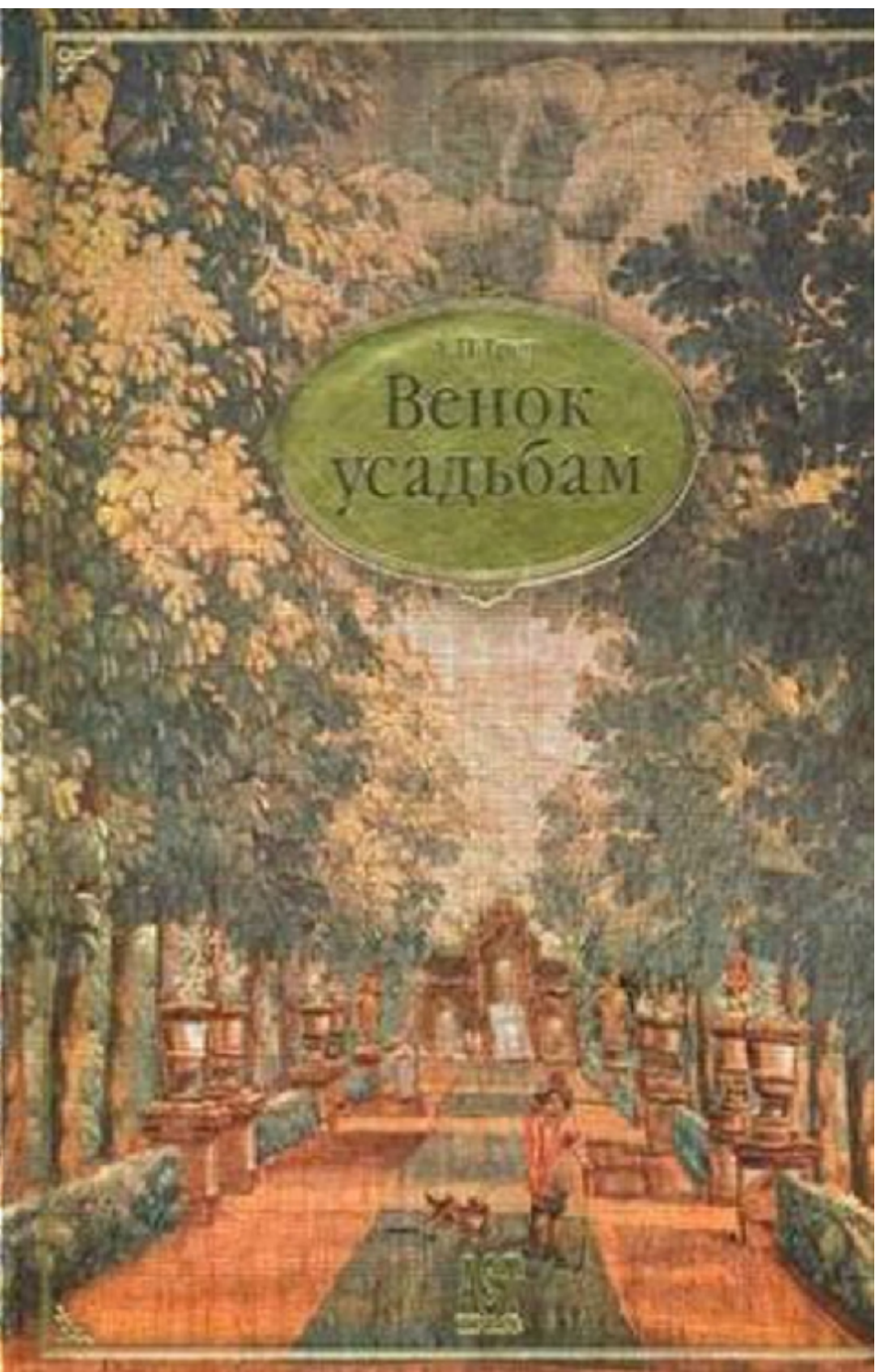

Алексей Николаевич Греч посвятил всю свою жизнь изучению уникального явления отечественной истории — русской усадьбы. В конце 20-х годов на его глазах разрушалось и безвозвратно гибло историко-культурное наследие дореволюционной России. Для будущих поколений Греч постарался на бумаге запечатлеть то, что составляло гордость русской культуры, что на протяжении двух столетий вдохновляло русскую поэзию, литературу, музыку, общественную мысль.

В «Венке усадьбам» Алексей Николаевич выступает не только как кропотливый исследователь, но и как проникновенный описатель русского быта. Греч написал «Венок усадьбам» в Соловецком лагере особого назначения, где отбывал наказание по сфабрикованному обвинению. Таинственным образом рукопись пережила своего создателя, расстрелянного в 1938 году, и в наши дни была обнаружена в архивах Исторического музея.

8
 А.Н. Греч • ВЕНОК УСАДЬБАМ
 АСТ
 АСТ
 АСТ

Шереметевых, Строгановых, Бобринских в Петербурге, в Елагинском дворце, Гатчине. Точно нельзя было найти других помещений для всех этих домов отдыха, санаториев, учебных заведений, общежитий. Верно, нельзя было, так как на общем фоне разрушения музейные здания казались иным, благодаря относительной своей сохранности, раздражающим анахронизмом, пережитком, прежде всего, огульно ненавистного прошлого. Усадьбы эти внушали зависть — и потому их уничтожили. Вещи растащили, распродали... Ведь после первого периода собирательства, накопления старина оказалась — валютой. И для иностранцев русские музеи, книгохранилища, фонды стали не чем иным, как гигантской антикварной лавкой, где по сходной цене можно купить любую вещь. Вот почему с профессиональным интересом осматривал [Харсмян], владелец крупнейшего книжного антиквариата в Германии, Музей книги, вот почему на аукционах в Берлине и Лейпциге появились картины, рисунки и гравюры из Эрмитажа, гобелены и мебель из Павловского дворца... Десятки и сотни вещей «национализированных» частных собраний, начиная с иконы и кончая бисерным подстаканником, предлагаются вниманию зарубежных покупателей. Так оптом и в розницу уничтожают в России старину и искусство. А в Швеции — оберегают, реставрируют, публикуют каждую мелочь, каждый пустяк. Так поступает «буржуазная» культура. Но ведь все же... культура...

А в России о старом искусстве надо писать лишь в прошлом времени. В России над старым искусством остается лишь положить на могилу венки сплетенных воспоминаний.

МАРФИНО

Марфино¹ — другой усадьбинный центр на дороге из Москвы в Дмитров. Марфину Шапших посвящена статья Вейнера², виды Марфинского парка были изданы за границей в серии превосходных литографий, получивших довольно широкое распространение. Марфино описал Карамзин³... И усадьба, безусловно, того заслуживала. В ней не сохранился старый дом XVIII века. Но другой, пришедший ему на смену, прекрасно соединился с окружающим ландшафтом. Самое неожиданное в нем — не столько *псевдоготический стиль*, сколько расцветка — нежно-розовый тон стен. Точно кому-то захотелось поиграть в рыцарскую эпоху, создать здесь, около Москвы, обстановку, созвучную романам Вальтера Скотта...

Дуга изломанного в своем протяжении моста, украшенного аркатурой, отражаясь в воде, образует правильный круг. Краснокирпичная, обожженная кладка — лишнее звучное пятно в осенней палитре красок; под лучами сентябрьского солнца золотом горят обсыхающие на воду, шлебухи по ней червонными блестками склоненными ветвями берез оброненные листья. Справа с пригорка смотрится в воду дом во вкусе британской готики, в том стиле англоязычной культуры, который и вызвал в России 30–40-х годов Алушкский дворец Воронцовых, голицынскую Гаспру, а здесь, в центре России, — Быково и Марфино, последние сооружения умирающего барства. Зеленый откос пересекает песчаная дорожка; ступеньками пробегает она с террасы на террасу и, наконец, кончается у пристани, где нарядные острокрылые грифоны сосредоточенно глядят

в воду. По кромке берега растут красные клены, желтые липы, белые стволы берез; красочным букстом кажется и традиционный островок, некогда соединившийся с берегом плотиком-шаромом.

Марфино — насиженное дворянское гнездо... К различным эпохам относятся отдельные его части. Спрятанная среди деревьев, нарядной игрушкой кажется барочная церковь 1707 года, крестчатая в плане, с высокими окнами, с обрамляющими стены пилястрами, украшенными затейливыми капителями, и с круглым световым барабаном над средокрестием. Это прекрасный памятник барокко, быть может лишь чересчур нарядный и пряный благодаря *попоземным, сделанным архитектором Баженовым в середине XVIII века, и характерной расцветке в два тона, розовый и белый.* В ограде — могилы, осененные высокими деревьями, под одной из них прах строителя церкви, крепостного архитектора Белозерова², о котором предание, правда неосновательное, сообщает, что был он насмерть засечен помещиком князем Галициным.

Осенью архитектурный марфинский парк кажется прозрачным; четко выступают в регулярном строю высокие и прямые липы, причудливое кружево ажуря плетут они своими ветвями на фоне светлосинего неба. Облетевший лист застилает дорожки и траву куртин. За парком, около вала, его ограждающего, отсюда *открывается такой завораживающий, но вместе с тем всегда полный настроенный вид на распаханные поля, стоят два уцелевших от XVIII века классических дома с колошными портиками — это адания бывшей царни, последние свидетели вельможных охот.*

Немые спутники бывшего — белые дома и павильоны с колоннами — подсказывают вид Марфина в его классическом уборе. Судя по двум еще сохранившимся в парке беседкам, в построении усадьбы участвовал изобретательный мастер, хорошо знакомый с основами классики — античным миром и бессмертным творчеством Палладио. Две беседки — одна в конце парка, неподалеку от дома, в виде полуротонды, другая над прудом, двухэтажная — как-то невольно заставляют вспомнить работы Львова. Полуротонда, верно задуманная некогда как украшенная колоннами ниша среди невысокой зелени деревьев, точно перенесена сюда из южных стран — так и хочется представить ее себе над морем, где-нибудь на скалистом уступе; и чудятся в пролетах колонн кусты риз и олеандров, и синее море, и лазурное небо, и в сизом мареве исчезающий скалистый мыс. Здесь же, в Марфине, — это белые колонны, полукругом держащие полусферический купол, белые столбы среди черных стволов обнаженных лип. Одна колонна уже кем-то выбита — и оттого еще беспло-

днее, еще ничемнее кажется теперь эта эстетическая затея ушедшей в небытие прошлой жизни. Другая беседка поражает своей оригинальностью — ротонда — самая типичная, с выискашными, прекрасно пропорционированными формами, — вознесена на октагональный павильон с арочными пролетами, служащий ей основанием. Разросшиеся кусты скрывают основание, и в неподвижной глади воды отражается лишь второй этаж беседки — круглый колонный храм. Надписи испещряют стены и колонны — вирши, имена, даты — наивные и дикарские попытки дешевого тщеславия сохранить свои имена *urbi et orbi*³...

В Марфине дом отдыха — во всех комнатах стандартные кровати. Верно, содраны старомодные обои, забелены орнаментальные росписи. Второй раз, как прежде перед французом, покинули дом старинные портреты; Панины и Туголмины с портретов Вуая, Рослина, Орлова сошли со стен залов и гостиных и разбрелись по музеям Москвы и провинции. В кладовых и музейных хранилищах встретились они с другими портретами, живописными и скульптурными, работы Шубина и Мартоса, с картинами и мебелью, уцелевшими от разгрома другой панинской усадьбы — села Дугина, Смоленской губернии. Марфино еще живет; Дугино же, *с его картинными стенами мастеров, фамильными портретами, белым залом, украшенным бюстами Паниных, пропало безвозвратно.* Даже не оставило оно по себе фотографической памяти, и лишь рисунок сепией в [собирательном] альбоме гр. С. А. Строгановой, промелькнувшем на московском художественном рынке в первые годы революции, дает представление об этой с большим вкусом и роскошью обставленной усадьбе, о громадном доме над прудом и обширном окружающем ее парке, *по дорожкам которого прохаживают желтые фигуры в амфиных платьях.* Марфино и Дугино — эти две усадьбы являлись чудесными образчиками тонкого, вполне европейского вкуса русского барства в конце XVIII и в первой половине XIX века.

³ «Граду и миру» (лат.), то есть «для сведения всех» — слова, произносимые во время богослужения Папой Римским.